

Первый художественный фильм известного русского режиссера Виталия Мельникова мог бы стать и последним. По крайней мере, на "Ленфильме" долгое время тряслись: как отреагирует на юмор "Начальника Чукотки" наше Госкино? Слава богу, цензоры "не заметили" намеков в сторону советской власти. И фильм вот уже несколько десятков лет не сходит с экрана. Иногда кажется: Мельников снял все наши любимые картины. "Начальник Чукотки" (1966), "Семь невест ефрейтора Збруева" (1971), "Старший сын" (1976), "Здравствуй и прощай", "Женитьба" (1977), "Отпуск в сентябре" (1979), "Выйти замуж за капитана" (1985), "Царская охота" (1990), "Луной был полон сад..." (2000), а теперь вот он принялся за экранизацию жизни Павла I, с Виктором Сухоруковым в роли самого царя и Олегом Янковским в роли графа Палена. И на все у режиссера хватает времени, сил и энергии. Хотя ему уже стукнуло 70. Вот она, старая школа!

— Виталий Вячеславович, когда вам в голову впервые закружилась мысль: "хочу делать кино"?

— Точно не помню, но во втором классе я увидел другую жизнь на куске белой простыни. Долго думал: откуда она возникает? Потихонечку встал в темноте, подошел к экрану и приподнял уголок ткани. Но там, к моему удивлению, была только стена! Это первое потрясение, испытанное от кино. А режиссером я решил стать позднее. В войну, на Оби, в краю холодов и ссыльных. Места были не веселые, но там существовала система так называемых агитбригад. На плохонькой лодке молодые ребята — в основном мои одноклассники — возили кино по деревням. И была 17-летняя девочка с кинопроектором и несколько коробок с лентами, которые я знал наизусть. Если честно, желание пойти в кино появилось от глубокого невежества. Вырос в глухомани, о кино и кинопрофессии имел смутные представления и даже не понимал, насколько я к этому не готов. Может, потому меня и взяли с первого раза во ВГИК: такого дикого человека приемная комиссия еще не видела. Я приехал в Москву в сентябре 1946 года, на товарняке, в теплушке. Голодный и бездомный, сразу двинул в институт. Думал, что меня там ждут. А ВГИК только что приехал из эвакуации из Алма-Аты, и документы вместе со мной подавали фронтовики, увешанные орденами. — Володя Басов, Григорий Чухрай... Представляете, и я, семнадцатилетний пацан, — приперся в эту компанию! Я потряс председателя приемной комиссии Эйзенштейна тем, что не знал, кто он такой. Но зато Юткевичу в подробностях до последнего кадрика рассказал его собственный "Боевой киносборник №6". Сердце режиссера дрогнуло. Меня взяли на испытательный срок на полгода.

— И вы сразу прижились?

— Постепенно, и был просто счастлив. Так как целыми днями мог созерцать шедевры мирового кинематографа. Ведь когда эвакуировали ВГИК, весь кинофонд свалили в одну яму и просто засыпали. А в 1946-м начались раскопки. Все этикетки и коробки перепутались, приходилось отсматривать ленты заново. Я не ходил на лекции, а тихонько сидел у кино-свалки. В темноте на экране мелькали кадры разных эпох и стран. Часто вперемешку, непонятно, но это был рай! Переполненный искусством, вечером я возвращался в общежитие, где вместе со студентами из разных республик и стран ел из одной большой сковородки. Мы кидали в нее все, что могли раздобыть, и называли блюдо "дружбы народов надежный оплот".

— И с каким багажом, прогуливая лекции, вы подошли к диплому?

— Закончивал я институт в то время, когда "великий отец народов" Сталин сказал о кино: "Лучше меньше, да лучше". Меньше делали мгновенно, а вот лучше — не смогли. Пошли лакированные и фальшивые фильмы, заведомо идеализирующие нашу жизнь. Кино умирало. Вот в такой обстановке я получил диплом и распределение на студию научно-популярных фильмов в Ленинград. Конечно, для меня это была удача. Обехал страну вдоль и поперек, многое повидал, многому научился. В голове все откладывалось.

— А неигровые шедевры у вас были?

— В неигровом кино я осознал безразличность кинематографической лжи. К примеру, рабочих для съемок в "хронике" переодевали в чистые комбинезончики. Прямое сопоставление реальностей жизни и кинотуфты, которую ты делаешь, — большой урок. Приобретаешь железное чувство юмора и ощущаешь степень ответственности перед людьми, которым узаконено, что ты по госсказу врешь. Во времена Хрущева я даже снял фильм "Кукурузу на северо-запад". Для этого нужно было сначала "засеять" ее на северо-западе, а потом снять, как она колосится на Украине. Ведь под Ленинградом кукуруза не растет. Фильм сопровождался торжественной музыкой и патетическими словами диктора. А когда мы приехали со своей кинопродукцией в колхоз, бедные люди даже улыбнуться боялись. За это можно было срок получить. После "Кукурузы" я надолго впал в ступор. С тех пор пытаюсь не врать.

— Кто доверил вам первый игровой фильм?

— На "Ленфильм" пригласил Иосиф Хейфиц. Мой талант решили проверять по методу Павлова. После долгих раздумий предложили снять самостоятельную короткометражку по... рассказу Носова "Бобик в гостях у Барбоса". Актеров там не было, главные герои — собаки. Поиск артистов шел очень серьезно. Кинопробы — в обществе собаководства. Уже за километр я услышал собачий визг и увидел длиннейшую очередь. Хозяева рвались прославить своих любимцев во

На съемках фильма "Начальник Чукотки".

АРХИВ ВИТАЛИЯ МЕЛЬНИКОВА

"Начальник Чукотки" вышел на царскую охоту

На съемках фильма "Отпуск в сентябре".

САМОСЛЫ КАЛЕВ

Виталий МЕЛЬНИКОВ: "Я увидел другую жизнь на куске белой простыни"

ВАЛЕРИЙ МИШАКОВ

что бы то ни стало. Случались и скандалы: "Как вы смеете ее не брать, эта собака блокаду пережила!". В общем, дрессировщица Лидия Острецова ("Ко мне, Мухтар!" — ее работа) оказалась в растерянности. В итоге мы нашли дворнягу Люкса и домашнего ухоженного аристократа Бобика. Кстати, после того, как Люкс прославился, его "усыновила" редакторша студии. Пес тут же заболел звездной болезнью, растолстел и обленился.

— Как вы объясняли собакам актерскую задачу и сколько шли съемки?

— Меня "переводила" Острецова. Она могла разговаривать с собаками на одном языке. Съемки длились месяца два. Причем все это время очень смешно работала система государственного кинематографа: мы по смете строили декорацию "Конура Барбоса", а рядом возводили "Гамлету". К нашей картине были даже прикреплены гримеры.

— ???

— Ну, так полагалось в любой картине по штатному расписанию. Они сидели рядом с площадкой и валялись ваньку. А потом был худсовет, картину приняли. Опять же с очень серьезными лицами комиссия изрекла: "В фильме есть не только дрессура, но и режиссура".

— Видимо, после собачьего успеха вам и доверили "Начальника Чукотки"?

— К пятидесятилетию советской власти кино должно было выдать на-гора что-нибудь революционное. Многие фильмы делались на поток. Одним из таких фильмов должен был стать "Начальник Чукотки". Ведь налицо все нужные компоненты: революционная Чукотка, молодой комиссар, борьба с американскими капиталистами. Но после "Барбоса и Бобика" мы с автором сценария распоясались и подошли к делу с юмором. Тем более наступили вре-

мена хрущевской оттепели. И... вышло что вышло.

— Как же это все пропустили? Юмор-то был близкий к сатире!

— Нам просто повезло. То ли членов комиссии чувство юмора подвело, то ли они тоже "оттаяли"... Но фильм даже премию комсомольскую получил — "Алую гвоздику". И по всем аннотациям проходил как историко-революционный. Правда, при выпуске один эпизод пострадал. В конце фильма, когда ЧК изъехала героя деньги, его встречают бандиты с криками: "Коселек или жизнь!" А комиссар говорит: "Уже!" Так вот, большой начальник Романов категорически постановил: "Изъять". Потому что нельзя сравнивать ЧК с какими-то бандитами. Ну и изъяли... А молодой актер Петренко, который играл бандита, тем временем развился от своей роли всей театральной Москве и Питеру. Он впервые снялся в кино. На премьеру пришел Театр Ленсовета в полном составе во главе с Владимиром. Сели все. Смотрят. Проходит весь фильм, а эпизода нет! Позор был грандиозный. Над Петренко смеялись долгое время.

— Как вы нашли такого необычного главного героя?

— Миша Кононов снялся к тому времени у Калики в фильме "До свидания, мальчики!". Там я его и увидел. Вокруг главного героя, кстати, завязались ожесточенные бои. Мол, не может быть таким комиссаром. Он же по роли мужественный, а этот — Иванушка-дурачок... Хейфиц написал мне длиннейшее письмо о том, почему Кононов не подходит и к чему это все ведет. Но на мою сторону встал Юрий Герман, и Мишу отстояли. Как выяснилось — не зря. Хотя на комиссара пробоваюсь еще и Семен Морозов, сыгравший у меня потом в фильме "Семь невест ефрейтора Збруева". Съемки "Начальника Чукотки" шли на Колыском полуострове, на высокогорном плато, чтоб зима по-

дольше сохранялась. Некоторые актеры летали на них дважды в неделю.

— После "Начальника Чукотки" вы в полной мере поняли, что такое слава?

— Слава? Фильм лет через 10 начали принимать адекватно. Люди смотрели на него другими глазами, и оказалось, "Начальник Чукотки" — должитель. Хотя я долгое время самообразованием занимался: думал, что в нем можно было сделать иначе, о чем-то жалел.

— У многих режиссеров актеры кочуют из картины в картину...

— Постепенно у меня сложилась своя маленькая труппа, которая время от времени собиралась: Миша Кононов, Евгений Леонов, Олег Ефремов, Олег Борисов, Светлана Крючкова. Очень трогательно снимался Юра Богатырев. Он приезжал на один день, на один эпизодик и работал в полную силу. И постепенно выяснилось, что со всеми этими людьми у меня общее отношение к делу, к человеку и к способу рассказа о нем. Есть те, кого могу назвать "мои актеры". Нам было хорошо и понятно друг с другом. Это сейчас Москва и Питер отдалились. А раньше курсировали быком набитые "Стрелы", весь арт-мир по ночам в них и общался.

— А все говорят, что с Ефремовым было трудно, что человек он довольно закрытый... Как вам удалось подобрать ключик?

— У нас сложилось сразу. В последнем фильме "Луной был полон сад" я рассчитывал на него. Роль, которую потом сыграл Николай Волков, писалась под Ефремова. Но Олег был уже очень болен. Он звонил из больницы, говорил с надеждой: а может, поднимусь еще? Мол, когда начну работать, и почувствую себя по-другому. Но я понимал, что он уже не поднимется. Хотя сам до по-

леднего момента верил в чудо и, пока Олег не умер, не искал ему замену. Мне одиноко и без Олега Борисова. А актер он был гениальный. В общем, иных уж нет, а те далеки.

— Вы никогда не снимаете эротические сцены. Неужели не хочется показать человеческие чувства во всей красе?

— Чувства или эротику? Но уж коли мы об этом заговорили, следует признать — российское кино по этой части бедновато. Другой менталитет? Отсутствие традиции? Не знаю. Вся надежда на новое поколение.

— Есть ли оно, это новое поколение? В кино сейчас эра безвременья, и многие критики ругают современные картины...

— Всегда так было! Я вспоминаю прежние сборища Союза кинематографистов. Вздыхали: "Какие раньше были фильмы! А какое время..." И так далее. Как будто бы ничего нового, стоящего не появляется. И также поругивают молодежь и ворчат, что она не туда пошла... Да откуда она не пошла, просто мы поставили, а новое поколение живет по другим законам. А вообще-то я редко задумываюсь над тем, есть ли будущее у кино. Я СНИМАЮ ЕГО — И ВСЕ.

— Ваш последний проект "Бедный, бедный Павел" близок к завершению?

— В целом, да. Но пока я еще не сложил картину. И сейчас трудно судить, получилось что-то или нет. Тут ведь как бывает: восторгаемся по ходу съемок материалом, а начинаешь монтировать — огорчаешься. Или, наоборот, непривлекательные сценки, из которых складывается шикарный сюжет. У фильма о Павле Первом есть особенности. Он... медленный. Наверное, я погрешил бы против правды, если б нарушил в "Павле" неторопливые ритмы того века. Архаичная речь, как ее ни модернизируй, диктует свой темп. Не знаю, как современный зритель, привыкший к экшну и быстрой смене кадров, воспримет это неторопливое движение.

— А в Сухорукове-императоре вы не разочаровались?

— Напротив, даже укрепился во мнении, что Павла Первого должен играть только он. У него и партнер замечательный — Олег Янковский. Истое отношение обоих актеров к работе дало свои результаты. Даже на последних съемках, где в кадре появляется

обезображенное лицо убитого императора, Сухоруков присутствовал сам. Хотя он был там абсолютно не нужен. Обезобразить могли любого другого муляжми и гримом. Нет, явился: "Уродуйте меня!" И вместо дублера Виктор добросовестно валялся на земле, заговорщики топтали его сапогами. А потом говорит грустно так: "Осталось всего два эпизода. Меня скоро убьют! Надо что-то делать..." У меня никогда не было разочарования в актерах.

— А у актеров — в вас. Каждого раскрыли максимально. В одном "Старшем сыне" сколько новых звезд зажгли. Кстати, говорят, это ваш любимый фильм?

— Да, пожалуй. Тут все совпало: и драматургия высочайшего класса, и замечательные актеры, работавшие с удивительной радостью. Впервые появились на экране Миша Боярский, Наташа Егорова, Коля Караченцов. А воспоминания о Евгении Леонове до сих пор вызывают у меня улыбку. Он был трудолюбивым, светлым. Фильм как-то сразу "пошел".

— В картине — довольно сложная жизненная коллизия. Даже неправдоподобная для наших времен. Как вам удалось найти режиссерское решение?

— Важно полюбить героев и поверить в их правоту. А у каждого в фильме она — своя. И каждого нужно защищать, отстаивать, тогда все коллизии сразу станут правдоподобными.

— Что, и подлеца Сильву вы полюбили?

— А как же. Я, во всяком случае, его понял. В "Старшем сыне" для меня главной была сцена Леонова. Где Сарафанов рассказывает про свою орапорию "Все люди — братья", которую пишет много лет. Его наивная и святая вера, а такая есть у каждого человека, помогает жить и выживать!

— Сцена получилась с первого дубля?

— Картина делалась иным способом. Мы очень долго репетировали, иногда днями. И только к вечеру снимали сцену целиком. В таком материале трудно работать кусками, фрагментами. Здесь важно просуществовать определенный период времени на одном дыхании. Сохранить иллюзию непрерывности, сиюминутности происходящего. А поскольку фильм обращался к большому экрану, можно было не спеша и подробно рассказывать о жизни "маленьких" людей. Заглянуть актерам в глаза, понять, как возникают чувства, порывы, движения. Драматургия Вампилова удивительно совпала с ТВ. Это было гармонично. И картину полюбили. После многих лет казенного кино я вдруг рассказал о простом человеке. Не о каких-то запредельных идеях, а о тех, кто живет рядом с нами. "Старшего сына" хорошо приняли за рубежом. И сейчас его смотрят. Иногда я слышу отзывы совсем юных людей, положительные. Хотя многие вещи им приходится "переводить" — бытовые и психологические реалии изменились. Фильм мы снимали на Ржевке, превратив один из заброшенных деревянных барачников в дом Сарафановых.

— В "Старшем сыне" Караченцов и Боярский снимались в кино впервые?

— Нет, но те роли прошли незамеченными. Другое дело, я очень рисковал, взвалив на плечи молодого неизвестного актера главную роль. Впрочем, режиссеры постоянно рискуют. Вот Людмила Зайцева в фильме "Здравствуй и прощай" появилась из ничего. Было очень смешно, потому что ко мне толпами приводили возможных героинь. Но когда вошла она, я сразу понял — то, что надо. И оказалось, киношная история совпала с ее настоящей судьбой. Люда с Кубани, из крестьянской семьи, личная ситуация где-то перекликается с сюжетом. А в картину "Царевич Алексей" я взял без проб Алешу Зуева на главную роль. Просто потому, что мне показалось: другого артиста я не найду. Так оно и вышло. Я — везунчик!

— Правда, что Светлана Крючкова плакала, глядя на некоторые эпизоды уже смонтированного "Старшего сына"?

— А почему бы ей и не всплакнуть? Света — человек эмоциональный, живо реагирует не только на чужой, но и на собственный материал. Многие актеры и режиссеры "болеют" тем же. Я не исключение. Иногда заражаюсь. Если давно не видел свой фильм, подзабыл, начинаю его смотреть как нечто самостоятельное и независимое. Увлекаюсь, но иногда замечаю и промахи, которые мне отрезвляют.

— Как вы встретили свое семидесятилетие?

— Салюта по этому поводу не было. (Смеется.) Был обыкновенный домашний праздник. Естественно, он плавно перетек в народное гулянье в Союзе кинематографистов. Было много подарков. Дорогие для меня, но вовсе не ценные. А еще мне компьютер вручили. Стал работать на нем. Раньше-то на печатной машинке стучал. Оказалось, компьютер — это очень удобно: большая пишущая машинка, с помощью которой легко редактировать собственные тексты. А вообще-то я не люблю модную технику. Мобильный старею не включать. Я им только на съемках пользуюсь.

— Многие творческие люди не смогли пережить девяностые и новую циничную эпоху. Они ломались, бросали любимое дело. Как ощутили поступь времени вы?

— Я продолжал работать в той мере, в какой было возможно. Пока делал "Царскую охоту", уже думал о "Царевиче Алексее" и "Павле". А в перерывах между этими картинами снял "Чичу", комедию "Последнее дело Вареного" и "Луной был полон сад..."

— Вы когда-нибудь отдыхаете? Жизнь, кроме кино, для вас существует?

— Конечно. Но в известных пределах.

— Нет дачи, любимых животных, хобби?

— Ах, это вы называете жизнью... Моя работа — вовсе и не работа, а образ жизни. Когда я дома, все равно смотрю что-нибудь. Я даже перебрал в другую квартиру только потому, что она рядом с "Ленфильмом". Так проще заканчивать "Павла".

Наталья ЧЕРНЫХ, Санкт-Петербург.